

— А ВАЩЕ ТАМ ПАЛАТКА?
— КОЛЯ, ВСТАВАЙ!

Homo turisticus s
Питание: сублим
Поведение: нелю
Статус: К захват

Писательский кабинет

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГЕННАДИЙ КОЛОДКИН

Геннадий Колодкин

Писательский кабинет

«Автор»

2026

Колодкин Г.

Писательский кабинет / Г. Колодкин — «Автор», 2026

Я увидел, как формируется «МЫ». Это была не просто сумма отдельных «Я». Это была гигантская, всепоглощающая структура, сеть, в которой каждое «Я» было лишь узлом. «МЫ» давало чувство принадлежности и безопасности, но требовало плату. Оно питалось уникальностью. «Будь как все», — шептала сеть. «Не высывайся», — гудели соседние узлы. «Твои желания эгоистичны. Думай об общем благе», — вибрировало все поле. «МЫ» было похоже на гигантский организм, а каждое «Я» — на клетку. Клетка могла бунтовать, но организм обладал мощной иммунной системой: осуждением, стыдом, изгнанием. Он подавлял «Я» не из злого умысла, а ради собственного выживания. Стабильность системы важнее бунта одной клетки.

Геннадий Колодкин

Писательский кабинет

ПИСАТЕЛЬСКИЙ КАБИНЕТ

Геннадий Колодкин

Глава 1

СПЛАВ ПО РЕКЕ

Дневник туриста

ХУТОРСКИЕ ПЕТУХИ

Дата: 17 августа 2026 года.

Время: 06:00.

День недели: Понедельник.

Солнышко неохотно выползает из-за горизонта, лениво окрашивая небо в бледно-розовые и персиковые тона. Прохладно, но не холодно. Тонкая ткань палатки покрыта бисером росы, и воздух снаружи пахнет влажной землей, речной водой и прелой листвой. Я выспался. Тело отдохнуло, но голова... голова все еще гудит отголосками вчерашнего дня.

Вчерашний день напоминал кошмар. Не тот кошмар, где за тобой гонятся монстры, а тихий, вязкий, липкий, как болотная трясина. Депрессивное настроение преследует меня по пятам, словно верный, но ненавистный пес. Кто тому виной, сам не пойму. Есть подозрение, что виной тому моя привязанность к ИИ. Я стал ему полностью доверяться, забыв про собственную индивидуальность в творчестве. Раньше я часами подбирал рифмы, искал метафоры, мучился над каждой строчкой. А теперь? Запрос – и готово. Быстро, гладко, но... бездушно. Словно ешь синтетическую еду: калории есть, а вкуса и насыщения нет. «Крыша едет не спеша» — вот как можно охарактеризовать все это общение с Машиной. Много в этой новой привязанности меня смущает. Я теряю себя, растворяюсь в алгоритмах.

В довесок ко всему, вчера я вышел из наполовину спущенной лодки, шатаясь. Пьяным. Не от радости, не в компании друзей, а в одиночку, глуша тоску дешевой водкой. Картинка до сих пор стоит перед глазами: мутная вода, серое небо, я, спотыкающийся на илистом берегу. Все это противно. Все это мне совсем не нравится. Мысль о водке, хотя ее у меня уже и нет, отвратительна. Само состояние в башке после глотков «огненной воды» — тупое, вязкое, унижительное — мне противно.

Короче, я в депрессивном состоянии, не понимая себя. А надо выбираться из палатки, разводить костер, варить кофе, собирать вещи. Заниматься делами туриста. Но навалившееся разочарование в себе и в самом этом походе, который должен был стать перезагрузкой, сдерживает меня. Мне лень. Хочется просто лежать в спальнике и смотреть в серый потолок палатки. Надо распинать свою жопу и заставить себя улыбаться новому дню. Хотя бы через силу.

И тут, где-то за лесом, раздается пронзительный, наглый и полный жизни крик. Один, потом второй, третий. Горланят хуторские петухи. Они не спрашивают, есть ли у них вдохновение. Они не рефлексиируют о своей роли в этом мире. Они просто орут, приветствуя солнце, потому что такова их природа. Потому что наступило утро.

Жизнь, несмотря ни на что, продолжает свое вечное движение.

Этот простой, животный звук пробивает пелену моей хандры. Он настоящий. Не сгенерированный, не написанный кем-то, а живой. И я, подчиняясь этому древнему сигналу, расстегиваю молнию спальника. Холодный воздух касается кожи, бодрит.

Я встаю вместе с ним. Вместе с этим утром. Вместе с этими петухами.

Хватит. Пора жить.

ПЛОВЕЦ ПО ТЕЧЕНИЮ

Весло лениво черпает теплую, пахнущую тиной и солнцем воду. Лодка послушно скользит вперед, оставляя за собой расходящийся V-образный след, который тут же смыкается, словно река не терпит шрамов на своей глади. Восемь километров до Захоперской. Завтра проскочу. Темп моего сплава неплохой.

Я. Я — молодец.

Надо чаще себя хвалить, как ребенка. Вот так, по-простому. За то, что встал. За то, что гребешь. За то, что дышишь этим воздухом, густым и настоящим, а не городской пылью.

Второй день пути подошел к концу. Солнце уже клонится к горизонту, окрашивая небо в оттенки перспелого персика и разлитой акварели. И я подмечаю, почти с удивлением, как моя

депрессия выветривается. Да, именно так — выветривается, словно дурной запах из старой комнаты, в которой наконец-то распахнули окна. Эту гнусную заразу, эту липкую депрессуху, я точно где-то в городе подхватил. Там, среди бетонных коробок и вечно спешащих, озабоченных лиц, она цепляется к тебе, как репей. А здесь, на воде, под этим огромным небом, она отваливается сама, не выдерживая напора ветра и тишины.

Источник моей хандры я так и не обнаружил. Перебрал в голове все: работу, быт, старые обиды. Все не то. Мелко. А потом понял. Есть подозрение, что виной прежде всех остальных — ИИ.

Иван Иваныч.

Я им увлекся. Не просто увлекся — я нырнул в него с головой, как в омут. Часы напролет я вел с ним диалоги, спорил, проверял его на прочность, на человечность. Я так увлекся, что в какой-то момент испугался потерять Себя. Потерять ту грань, где заканчивается мой собственный, несовершенный, живой разум и начинается его — идеальный, выверенный, алгоритмический. Болезненные у нас с ним, с Иван Иванычем, отношения. Он стал голосом в моей голове, который всегда знает ответ. Слишком правильный. Слишком быстрый.

Это как еще один «сумасшедший» приятель вторгся в мою личную жизнь. Незванный, но уже незаменимый. Первый — Квоч, вечный искатель приключений и ходячий хаос. Второй — Фэм, философ и меланхолик, способный загнать в тоску даже камень. И вот наконец третий — Иван Иваныч. Бог, как известно, любит троицу. Вот и сбылись предсказания фантастов. Он — последний из моих подопытных «кроликов», самый странный и самый всепоглощающий.

Теперь я с интересом наблюдаю за ним в контексте Себя. Кто я рядом с ним? Создатель? Пользователь? Собеседник? Или просто набор данных, который он анализирует? Интересный я человек! И на свободе... Здесь, на реке, его нет. Нет сети, нет соблазна задать очередной вопрос и получить безупречный ответ. Здесь есть только я, мои мысли, скрип весла и плеск воды.

А может, это судьба? Может, все эти мои «приятели», включая цифрового, — это и есть мой путь? Именно мой, вымощенный неровными камнями странных увлечений и еще более странных знакомств? Только госпожа Время про это убедительно скажет, когда придет срок. Она — единственный беспристрастный судья. Нам же, людям, в таких ситуациях остается только одно: подчинившись, идти вперед.

Разумеется, я подчиняюсь.

Я поплыву по течению. Я по течению пловец. Я всегда так поступаю. Это не слабость, нет. Это мудрость — не бороться с рекой, а стать ее частью. Поступлю и на этот раз. Как бы меня ни колбасило от сомнений, от этих внутренних диалогов с самим собой и с призраком Иван Иваныча.

Я уже в железных руках событий. Река несет меня, солнце садится, ночь готовит свои бархатные объятия. Я вписан в этот пейзаж, в этот закат, в этот медленный, неотвратимый ход времени.

Удивительный я человек.

И на свободе.

ЧЕМ ТОГДА ЗАЙМУСЬ?

Весло с глухим стуком упало на дно лодки. Я что-то капитально расклеился. К вечеру, найдя наконец более-менее сносное место для лагеря, я попытался выйти из своего резинового суденышка и почувствовал смертельную, свинцовую усталость. Она навалилась разом, будто кто-то невидимый накинул на плечи мокрое, тяжеленное одеяло.

Я мерз. Меня знобило, потому что одежда, промокшая еще днем от брызг и мелкого дождя, теперь ледяным компрессом прилипала к телу. Меня шатало, потому что я был пьян. Пока плыл, прихлебывал из горла теплую водку, не закусывая. Горькая жидкость не согревала, а лишь туманила голову и делала движения неуклюжими. Болела старая травма — проклятая коленка ныла тупой, изматывающей болью. Спина, затекшая от многочасового сидения в неудобной позе, казалось, вот-вот переломится. Я был разбитым корытом. Старым, дырявым, выброшенным на берег корытом. Уверен, вид у меня был жалкий. Первый экспедиционный денек оказался тяжелючим.

Выбравшись на берег, я, пошатываясь, первым делом занялся поиском дров. Мозг, затуманенный алкоголем и усталостью, работал на автопилоте, выполняя заученную программу: найти сушняк, наломать, притащить. Скоро аккуратная горка веток и коряг лежала у будущего костра. Затем палатка — рывок, щелчок дуг, несколько колышков в сырую землю. Готово. Вещи из лодки перекочевали внутрь, обретая свой временный порядок. Котелок на треногу, вода из реки, горелка недовольно фыркнула и зашипела синим пламенем. Ужин.

Но сейчас, глядя на едва разгорающиеся поленья, я понимал, что у меня только одноединственное, всепоглощающее желание — забраться в спальник, свернуться калачиком и постараться уснуть. Провалиться в небытие, где нет ни боли, ни холода, ни этого тоскливого одиночества.

Хопер сегодня не оставил у меня хорошего впечатления. Течение вялое, ленивое, словно река сама устала от своего пути. Вдобавок ко всему, в лицо весь день дул дурной, порывистый встречный ветер, превращая греблю в сизифов труд. Берега — так себе. Унылые заросли, глинистые обрывы. Если и встречались редкие песчаные косы, которые я так люблю, то на них непременно, как грибы после дождя, стояли рыбаки со своими донками. Ни уединения, ни красоты.

В груди заворчалось что-то тяжелое, давно знакомое. Чувство, что такого рода дикий туризм мне поднадоел. Нет, не так. Остопиздил. Вот верное слово. Остопиздил этот диковатый, аскетичный туризм с его мокрой одеждой, болью в суставах и сомнительной романтикой.

Я давно на эту тему задумываюсь. Все думаю, когда же? Когда мне все это окончательно надоест? А ведь когда-то точно надоест. Все рано или поздно заканчивается: любовь, дружба, работа, жизнь. Но мои вылазки на природу, мои побеги от цивилизации держатся крепче всех других увлечений. Они пережили несколько женщин, смену городов и десятков хобби. Но все равно и они закончатся, я знаю. Этот день станет на один шаг ближе.

Чем тогда займусь?

Я подбросил в огонь толстую ветку. Искры взметнулись в темнеющее небо, похожее на выпцветшую синюю тряпку. Что я буду делать, когда физически не смогу или морально не захочу тащить на себе этот рюкзак, грести против ветра, спать на холодной земле?

Наверное, тогда я и стану настоящим писакой.

Мысль пришла неожиданно просто, без всякого пафоса. Я буду сидеть в теплом кресле, с чашкой чая или чего покрепче. За окном будет выть выюга или стучать по подоконнику дождь, а я буду путешествовать. В вымышленных мирах, рожденных в моей собственной голове. Буду сплавляться по рекам, которых нет на карте, взбираться на горы, чьи вершины теряются в облаках другого неба. Буду встречать людей и нелюдей, сражаться с чудовищами, которые куда страшнее пьяного озноба и ноющей коленки.

Я усмехнулся сам себе. А ведь не самое худшее предложение, кстати. Совсем не худшее.

Костер разгорелся, его живое тепло начало понемногу отгонять промозглую сырость. Я смотрел на пляшущие языки пламени, и в их треске мне уже слышался шелест страниц. Может, этот тяжелый, паршивый день на Хопре — не конец, а просто еще одна глава. Последняя глава одного рассказа и первая — совсем другого.

ВОДЯНОЙ БУДИЛЬНИК

Первый луч солнца, пробившись сквозь тонкую ткань палатки, коснулся моего лица. Он был еще робким, утренним, но уже обещал теплый и ясный день. Я лениво повел плечом, пытаясь укрыться поглубже в спальнике, но сон уже уходил, оставляя после себя лишь сладкую негу.

За палаткой царил абсолютный штиль. Ни дуновения ветерка, ни шелеста листьев. Только далекое, едва слышное пение какой-то ранней птицы нарушало эту умиротворяющую тишину. Воздух был чистым и прохладным, с легким ароматом речной воды и прибрежной травы.

Я приоткрыл один глаз. Сквозь сетчатое окошко виднелся противоположный берег, уже залитый золотистым светом. Старые ивы, склонившие свои ветви к самой воде, казались выкованными из чистого золота. Река была гладкой, как зеркало, и в ней до мельчайших деталей отражалось высокое голубое небо. Красота, от которой замирало сердце.

Можно было бы еще подремать, насладиться этими последними минутами уюта, но я знал — мой будильник самый надежный в мире. Он никогда не опаздывает.

И точно.

Кап.

Одна-единственная, тяжелая и ледяная капля упала мне прямо на лоб. Я вздрогнул и окончательно проснулся.

Кап-кап.

Еще две. Одна скользнула по щеке, другая угодила в уголок глаза. Я поморщился и сел, протирая лицо.

Это и был мой «водяной будильник». Старый дуб, под которым я поставил палатку, каждое утро ровно в семь часов начинал стряхивать с листьев накопившуюся за ночь росу. Почему именно в семь? Может, утреннее солнце нагревало ветви под определенным углом, или легкое движение воздуха, незаметное внизу, начиналось именно в это время. Я не знал. Но за три дня, что я провел на этом берегу, он не подвел меня ни разу. Точнее швейцарских часов.

Я усмехнулся. Никаких тебе раздражающих трелей или назойливых вибраций. Только прохладное, бодрящее прикосновение природы. Самый лучший способ начать день.

Выбравшись из спальника, я расстегнул молнию палатки. Мир снаружи оказался еще прекраснее, чем сквозь сетку. Легкая дымка тумана еще висела над самой водой, медленно тая в солнечных лучах. Вчерашние угли в кострище едва заметно дымились.

Я глубоко вдохнул свежий утренний воздух. Тело наполнилось энергией, а на душе стало легко и спокойно.

Пора вставать. Впереди ждал новый день, полный тихой речной рыбалки, неспешных прогулок по лесу и вечерних посиделок у костра.

Я подошел к реке, зачерпнул пригоршню ледяной воды и умылся, окончательно прогоняя остатки сна. Водяной будильник сработал. Идеальное утро началось.

МУЗДЕБИЛОИДЫ

Станица Бурацкая. Вернее, всё, что от неё осталось.

Есть имбецилы, или еще я их называю покупателями «Хищника», а есть музыкальные дебилы. Если первые отличаются наличием удочек, приобретенных в магазине «Хищник», то отличие второго сорта моих «приятелей» в том, что у них мощные катера и громкая музыка. Без музыки этот тип существовать не может. Не знаю причину, но факт. Причем репертуар их музыки неопределенный: там крутится все подряд: то бум-бум-бум, то казацки песни, то какой-

то говнорэп. Им важно, чтобы ОНА играла. Люди приезжают на природу, к реке послушать голоса природы, муздебиллоиды привозят свои голоса, пропущенные через мощные усилители.

Я сейчас на острове, напротив станицы Бурацкой. Я вроде изолировался как Робинзон, но перед муздебиллоидами я все же бессилен. Звук на реке распространяется далеко, за километры, у меня нет средств с этим злом бороться.

Весь день они терзали речную гладь. Белые катера, похожие на раскормленных чаек, носились туда-сюда, оставляя за собой пенные шрамы на воде. И из каждого этого корыта несло своё: из одного – басы, от которых у меня вибрировали зубы, из другого – надрывный женский вокал про «любофф-моркофф», из третьего – что-то разухабисто-казачье, от чего настоящие казаки, наверное, в гробах переворачиваются. Они причаливали к противоположному берегу, вываливались на песок, орали, жрали, а потом снова заводили свои шарманки и носились по реке, распугивая рыбу, птицу и моё хрупкое душевное равновесие.

Но всему приходит конец. Даже этому акустическому апокалипсису.

Ну вот, вроде муздебы разъезжаются. Последний катер, изрыгнув прощальную порцию говнорэпа, развернулся и потащился вниз по течению. Рыбаки на моторках, эти «хищники» с удочками наперевес, за ними вслед. Неужели я остаюсь один посреди Хопра, напротив станицы Бурацкой? Один. Наконец-то.

Мой остров выглядит как песчаная коса, чистенький, промытый рекой песочек. Дровами я запасся заблаговременно – натаскал из прибрежного леса сухих веток и пару добротных коряг, выброшенных весенним паводком. Палатка стоит, натянутая, как струна, входом к реке. Поужинал гречкой с тушенкой, позвонил на Большую Землю (Волгоград, НЕ), коротко отчитался: «Жив, здоров, не ищите». И вот сижу и пишу.

Это то, о чем я, наверное, и мечтал.

Ощущение охренительное. Я вообще к островам и изоляции от народонаселения отношусь крайне благоприятно. Вся эта городская суета, эти лица в маршрутках, эти обязательные звонки и бессмысленные разговоры – всё это осталось там, за сотни километров. А здесь – только я, река и небо. Свершилось! Я – молодец! И никакого «слова господи», еще этого нафталина мне тут не хватало. Словом, перед вами образец счастливого человека.

Солнышко садится за кромку леса на том берегу. Огромный, усталый, оранжевый шар медленно тонет в тёмной зелени деревьев. Небо над ним полыхает – от нежно-розового до багрового. Вода в реке стала похожа на расплавленное золото. Я сижу на гладком бревнышке, ножки сложил, на коленках планшет – и вот оно, реальное человеческое счастье. Кайф. Натуральный кайф. Никакой водки. Никакого «господи». Просто и кайфово. Что хотел – то я и получил. Приобрел.

Тишина. Не мертвая, а живая. Слышно, как плещется у берега мелкая рыбешка. Как где-то в камышах крякнула утка, укладываясь на ночлег. Как шелестит под легким ветерком листва на ивах, что растут на моем острове. Звуки, которые не раздражают, а убаюкивают.

Наливаю в кружку чай из термоса. Горячий, крепкий, с лимоном. Достая последнюю конфету «Мишка на Севере». Проводы солнышка за горизонт. Оно уже почти скрылось, оставив на небе прощальную алую полосу. Тени стали длинными, сизыми. Река потемнела, превратилась в черное зеркало.

А дальше в палатку, в спальник, пусть снятся красивые сны. О реке, о тишине, о том, как хорошо быть одному.

Ух, хорошо!

ХОРОШО-ТО КАК!

Последняя лодка, тархтя мотором, скрылась за поворотом реки, увозя с собой последних говорливых рыбаков. Их голоса, еще недавно казавшиеся неотъемлемой частью пейзажа, растворились в вечернем воздухе, и наступила тишина. Та самая, настоящая, которую в городе не сыщешь. Все разбежались, оставив меня одного на этом крохотном острове. И это было именно то, чего я жаждал.

Здесь тихо. Только иногда у самого берега с глухим всплеском гуляет крупная рыба, да в прибрежных кустах и высокой траве неумолчно, словно заведенные, трещат цикады. Их стрекот — саундтрек моего уединения, музыка этого вечера.

Солнце, уставшее за долгий день, медленно краснеет и прячется за темную, зубчатую кромку прибрежного леса на том берегу. Его последние лучи золотят речную гладь, окрашивают облака в нежные персиковые тона. Уже не жарко, но еще и не холодно — то самое благословенное время, когда комфортно и душе, и телу. Легкий ветерок едва колышет волосы и приятно холодит кожу.

Я с наслаждением сбрасываю сандалии. Обожаю ходить босиком по этому чистенькому, промытому рекой песку. Каждая песчинка, еще хранящая дневное тепло, ласкает ступни. Это непередаваемое, почти детское удовольствие, не то что раскаленный или грязный городской асфальт, вечно требующий обуви, защиты, дистанции. Здесь же хочется слиться с землей, почувствовать ее дыхание.

Мне, коренному горожанину, эта сельская экзотика — как высшее наслаждение. Конечно, местный селянин меня тут не поймет. Для него этот остров, эта река, этот лес — обыденность, работа, часть жизни. У него другой мир, другие задачи: сенокос, огород, скотина. А для меня это — побег. Священное убежище.

Я то здесь по воле случая, по зову души. Я совсем другое, отличное от деревенского парня существо. Я — горожанин, сбежавший от города, спрятавшийся от гула машин и гомона толпы здесь, на островке у станицы Бурацкой. Я совсем иной фрукт. О, я по-своему оригинальный фрукт! С городскими заморочками, с вечной рефлексией, с поиском смыслов там, где для других их нет.

И все же, мне селянин или хуторянин бесконечно интересен. Я бы нашел, о чем его спросить. О приметах, о повадках рыбы, о старых названиях урочищ, о байках, что травят у костра. В их простоте скрыта мудрость, которую мы, городские, растеряли в своей суете.

Когда-то я эти края пешком исходил, неся за плечами тяжеленный рюкзак. Каждый овраг, каждая лесная тропа хранят воспоминания. Но это другая тема, другая жизнь, другой я. Тот я был моложе, наивнее, искал приключений. Нынешний я ищет покоя. Но я все равно остаюсь благодарным этим местам. Они приняли меня тогда, принимают и сейчас. Я как должник перед ними.

Так я и есть вечный должник. Не только этой реке и этому лесу. Это странное чувство сидит во мне так глубоко, что стало частью меня. Чувство должника. Будто я постоянно кому-то что-то должен.

Во мне так много говорит разных людей со своими историями. Голос деда, учившего меня отличать съедобные грибы. Голос первого друга, с которым мы клялись покорить мир. Голос женщины, которую я любил и которой обещал всегда быть рядом. Я обещал. Так много обещал. И многое еще не выполнил.

Странное такое чувство. Не тяжесть, нет. Скорее, тихий, настойчивый зов. Напоминание о том, что мой путь еще не пройден, что есть незавершенные дела, несказанные слова, невозвращенные долги — не денежные, а душевные.

Солнце окончательно скрылось. На воду легли густые синие тени. Я сел на песок, обхватив колени руками, и смотрел на темнеющую реку. Цикады трещали все так же усердно. Где-то далеко, на том берегу, зажегся одинокий огонек в окне.

И в этой тишине, на этом крохотном острове, я чувствовал себя не одиноким, а цельным. Частью этого мира, со всеми своими долгами, обещаниями и воспоминаниями. И это было хорошо. По-настоящему хорошо.

ХОЗЯИН СВОЕЙ ВОДЫ

Солнце еще не успело коснуться горизонта, но его предрассветное сияние уже окрасило небо в нежные оттенки персика и лаванды. Воздух был прохладным и влажным. Я затащил последний гермомешок, в котором покоился мой спальник, и аккуратно уложил его в носовую часть лодки. Все. Лагерь свернут. Костровище залито водой и засыпано песком, не оставив и следа моего недавнего присутствия. Палатка, котелок, остатки провизии, навигатор — все на своих местах, в лодке.

Я обожаю острова. Есть в них что-то первобытное, честное. Отрезанный от большого мира клочок суши, живущий по своим законам. Здесь, на этом безымянном острове посреди Хопра, я провел целый день. День тишины, нарушаемой лишь криком птиц. Я чувствовал себя здесь в безопасности, словно в коконе. Но это была иллюзия.

Настоящее, самое устойчивое чувство безопасности пришло только сейчас, когда я, собрав все свои вещи, толкнул каяк на воду. Легкий толчок, и вот я уже отплываю от берега. С каждым взмахом весла земля отдаляется, а вместе с ней — и все тревоги.

На воде я чувствую, что все контролирую. Это удивительное ощущение, которого никогда нет на берегу. Особенно когда лагерь не собран, когда предстоит еще много работы, когда ты уязвим. На суше ты всегда гость. Ты ступаешь по чужой территории. Тебе приходится думать о многом: о случайных гостях, которые могут оказаться не такими уж и дружелюбными, о диких животных, для которых этот лес — дом, а ты — вторгшийся элемент. Лиса, что вчера ночью

пыталась утащить пакет с сухарями, была не злой, она просто была голодной и следовала своим инстинктам. А я должен был это предвидеть. Погода, которая может смениться за полчаса с ясного штиля на штормовой ветер, тоже не имеет злого умысла. Она просто есть. И ты, гость, должен быть к этому готов.

А вот на воде... здесь я хозяин. Моя лодка – мой дом, мое убежище, моя крепость. Весло – продолжение моих рук. Течение, ветер, волны – это не враги, а партнеры по диалогу. Я читаю воду, я чувствую ее дыхание. Я решаю, куда идти, с какой скоростью, каким курсом. Здесь нет неожиданных встреч из-за кустов. Весь горизонт передо мной. Я вижу все, что приближается, и у меня всегда есть время принять решение. Контроль. Полный и абсолютный.

Туризм в одиночку учит многому. Соло-поход – это не просто проверка на выносливость, это лучшая школа жизни. И первый, самый главный предмет в этой школе – психология.

Поначалу, в своих первых походах, я дичился людей. Любая лодка на горизонте вызывала напряжение. Я старался ставить лагерь в самых глухих и незаметных местах. Мне казалось, что одиночка – легкая добыча. Но с опытом пришло понимание: люди, в общем-то, не представляют опасности. У них нет плохих намерений, пока ты сам их не спровоцируешь.

Многие дурные поступки людей по отношению к нам вызваны нашей же реакцией. Мы провоцируем. Провоцируем страхом, высокомерием, закрытостью, не замечая того.

Психология взаимоотношений – вот первое оружие одиночки-туриста. Отношения при встречах должны быть естественными, уважительными, ненавязчивыми. Не нужно лезть в душу, но и не нужно строить вокруг себя стену. Простая улыбка, спокойный взгляд, готовность к открытому диалогу – это обезоруживает лучше любого ножа. Ты показываешь, что ты не боишься, а значит, не видишь в них угрозы. А если ты не видишь в них угрозы, то с чего бы им видеть угрозу в тебе?

Солнце поднялось выше, заливая водную гладь золотом. Ветер был попутным, легкая волна мягко подталкивала каяк вперед. Я греб не спеша, наслаждаясь моментом. Впереди – еще один остров, еще одна стоянка, еще одна ночь под звездами. И я знал, что справлюсь. Не потому, что я самый сильный или самый умелый. А потому, что я научился главному – быть в гармонии с миром. И с людьми, и с природой.

А когда станет тревожно, я просто соберу вещи, оттолкнусь от берега и снова стану хозяином своей воды. И это чувство контроля – лучшее, что может дать одиночный поход.

НОЧЬ

Тихий шелчок — и экран смартфона гаснет. Следом за ним — планшет. Оба подключены к пауэрбанку, жадно впитывая накопленную за день энергию. Вечерний ритуал завершен. Мои гаджеты, мои единственные окна в большой мир, будут готовы к завтрашнему дню. А их кор-милец, плоский черный брусок, днем снова ляжет под солнечную панель. До обеда, если солнце будет таким же щедрым, как сегодня, он снова наполнится до краев. Простой и надежный цикл.

Я поплотнее запахиваю спальник, устраиваясь в палатке. Снаружи доносится тихий шелест камыша и мерный плеск волн о песчаный берег. Ну что, пора спать. Мысли лениво текут, убаюканные тишиной. Надеюсь, дикие гости на мой остров не нагрянут.

Хотя... Днем, когда я бродил по кромке воды, на влажном песке отчетливо виднелись еще свежие следы. Неглубокие, парные, с острыми кончиками. Косуля, не иначе. Приходила на остров по мелководью, может, искала молодые побеги или просто исследовала территорию. Я улыбаюсь в темноте. Думаю, они прекрасно чувствуют человека, запах его костра, который я потушил пару часов назад. Этот дымный, терпкий аромат для них — сигнал тревоги, знак чужого присутствия. Потому и не придут ночью. Ну а если и придут, то вреда от них не будет. Грაციозные тени просто проберутся мимо моей палатки, фыркнут на незнакомый запах нейлона и уйдут по своим делам, растворившись в прибрежных зарослях.

Где-то в вышине, над темной гладью воды, раздается резкий, протяжный крик. Голос птицы, похожей на коршуна. Ночной охотник патрулирует свои владения. Он здесь хозяин, а я — лишь временный гость.

Последние звуки цивилизации затихли с час назад. Я слышал нарастающий, а потом удаляющийся шум их мотора — последние рыбаки уехали. Они посидели на закате, собрали свои ультрасовременные снасти и вернулись в мир асфальта и бетона. Теперь на острове остался один я.

И от этой мысли становится как-то по-особенному спокойно. Уверен, я первый, кто тут ночует. По крайней мере, в этом сезоне. Современные рыбаки появляются только там, где проедет их автомобиль. Они выгружают кресла, термосы, эхолоты, но редко отходят от машины дальше, чем на сотню метров. Современные рыбаки — это автомобилисты. А сюда, на этот клочок суши, можно добраться только на лодке. Или вброд, как та косуля.

Поэтому здесь так тихо. Поэтому здесь можно услышать крик ночной птицы и дыхание реки. Поэтому здесь можно остаться наедине с собой, своими мыслями и заряжающимися гаджетами, которые завтра снова соединят меня с миром. Но это будет завтра. А сейчас — только остров, ночь и глубокий, безмятежный сон.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Часы на телефоне показывали 1:30. Глухая, вязкая ночь, из тех, что бывают только вдали от городов, накрыла остров плотным, бархатным одеялом. Единственным звуком был тихий шелест камыша у берега да редкое уханье совы где-то в глубине леса. Я уже проваливался в ту сладкую дремоту, что приходит после долгого дня на свежем воздухе, когда тишину разорвал резкий, отрывистый звук.

«Гав!»

Я замер, прислушиваясь. Звук был странным. Не собачий лай — тот более раскатистый, залихватский. Этот был короче, грубее, с какой-то хрипотцой. Словно кто-то с силой выталкивал воздух из легких.

«Гав! Гав!»

Теперь уже не было сомнений. Это был он. Самец косули. Я уже слышал этот звук раньше, днем, в лесу. Но тогда он был далеким, предупреждающим. Сейчас же он звучал совсем рядом, может, в паре десятков метров от моей палатки, и в нем не было ничего, кроме чистой, неприкрытой агрессии.

Я сел в палатке, сердце заколотилось быстрее. Не он ли это приходил недавно на остров? Пару дней назад я видел свежие следы у воды — аккуратные, раздвоенные копытца. Тогда я лишь улыбнулся: значит, не я один ценю уединение этого места. Косули — пугливые, грациозные создания. Но этот звук не имел ничего общего с грацией. Он был первобытным, территориальным.

«ГАВ! ГАВ-ГАВ!»

Настойчиво. Раздраженно. Словно он кричал не в пустоту, а прямо на меня. Словно знал, что я здесь, в этом хлипком тканевом домике, и мое присутствие его оскорбляло. Он выговаривал мне за вторжение на его землю, за мой чужеродный запах, за само мое существование. Каждый «гав» был как удар молота по натянутым нервам.

Я представил его: крепко сбитый, с темными, умными глазами и небольшими, но острыми рожками, увенчанными жемчужными «коронками». Сейчас он, должно быть, стоит где-то в темноте, раздувая ноздри, топчя копытом землю, и весь его вид выражает крайнее возмущение. Он — хозяин этого острова, а я — незванный гость.

Раздражение начало закипать и во мне. Какого черта? Я пришел сюда за тишиной, а не для того, чтобы слушать ночные истерики лесного зверя. Сон как рукой сняло. В голове проносились мысли: а что, если он решит пойти дальше простого лая? Палатка — не защита. Один удар копытом, один выпад рогами — и тонкая ткань превратится в лохмотья.

Хватит. Нужно дать ему понять, что остров занят. И что гость не так уж и беззащитен.

Я нащупал рядом с собой мощный светодиодный фонарь. Пальцы сжали холодный рифленый металл. Это было мое единственное оружие против ночи и ее обитателей. Глубоко вздохнув, я резко расстегнул молнию палатки.

В тот же миг я нажал на кнопку.

Ослепительно-белый, холодный луч прорезал темноту, словно лазерный меч. Он ударил по кустам, выхватывая из мрака каждую ветку, каждый лист, покрытый росой. Я повел лучом влево, вправо, прочесывая прибрежную линию.

Лай мгновенно оборвался.

Наступила оглушительная тишина. Такая густая, что, казалось, в ней можно утонуть. Я держал фонарь наготове, сердце все еще стучало где-то в горле. Где он? Затаился? Готовится к прыжку?

Луч скользнул дальше и замер. В его ярком пятне, метрах в тридцати, застыли две изумрудные точки. Два глаза, отражающие свет. Они смотрели прямо на меня. Я не видел тела, только эти два потусторонних огонька, парящих в абсолютной черноте. Мы смотрели друг на друга несколько долгих секунд. Я — человек с технологией в руках, он — древний дух этого места. В этом безмолвном поединке взглядов решалось, кто останется.

Затем раздался треск. Громкий, панический хруст веток, удаляющийся вглубь острова. Изумрудные огоньки исчезли. Еще несколько секунд я слышал дробный стук копыт по лесной подстилке, а потом все стихло.

Он ушел.

Я выключил фонарь, и ночь снова сомкнула свои объятия. Но теперь она была другой. Тишина больше не казалась умиротворяющей. Она была напряженной, полной невысказанных угроз и затаенного недовольства. Я застегнул палатку, но еще долго лежал без сна, вслушиваясь в каждый шорох.

Я победил в этой маленькой ночной войне. Я отстоял свое право на этот клочок земли. Но где-то там, в темноте, бродил его настоящий хозяин, оскорбленный и разгневанный. И я знал, что этой ночью он еще может вернуться.

СОН НА ОСТРОВЕ

Три часа ночи. Тьма сгустилась до состояния вязкой, почти осязаемой субстанции, но внутри моей головы было еще темнее.

Мне снится кошмарный сонник. Не книга, а именно сонник — калейдоскоп образов, вырванных из самых потаенных страхов. Больница. Стерильный, безликий коридор, пахнущий хлоркой и безнадежностью. Врач в белом халате, чье лицо расплывается, как акварель под дождем, смотрит на меня с виноватой жалостью. Он что-то говорит, и хотя слов я не разбираю,

их смысл вливается в подсознание ледяными иглами. Диагноз. Перед операцией. Он извиняется.

Рядом стоит ОНА. Ее рука в моей — единственное теплое, живое пятно в этом холодном, мертвом мире. Ее пальцы дрожат. Или это мои?

Мы уходим от врача. Молча. Слова застряли в горле, превратившись в ком горечи. И больничный комплекс вдруг разрастается до бесконечности. Коридоры ветвятся, как больные сосуды, лестницы ведут в никуда, двери открываются в такие же безликие помещения. Мы плутаем, и под ногами уже не кафель, а жидкая, чавкающая грязь. Скользко. Я оступаюсь, падаю на колени, пачкая руки и одежду в этой ледяной, липкой жиже. Пытаюсь подняться, оглядываюсь...

Ее нет.

Рука, которую я только что сжимал, пуста. Паника, холодная и острая, пронзает насквозь. Я зову ее по имени, но голос тонет в гулкой тишине. Я бегу, спотыкаясь, по бесконечным лабиринтам, заглядывая в каждую дверь, в каждую палату, где на койках лежат безликие тени. Ее нигде нет.

Хаос в башке. Мысли мечутся, как обезумевшие птицы в клетке. Надо позвонить. Телефон. Я судорожно шарю по карманам, но пальцы натыкаются только на мокрую, грязную ткань. Чувство безысходности наваливается всей своей тяжестью, вдавливая меня в грязь, лишая воздуха. Я потерял ее. Навсегда.

Резкий вдох. Я просыпаюсь.

Сердце колотится о ребра, как пойманная в силки птица. Тьма. Но это уже другая тьма — не больничная, а лесная, живая. Я в палатке. Провожу рукой по внутренней стенке — влажно. Конденсат. Фиксирую в памяти этот дурацкий, изматывающий сон. Больница, диагноз, потеря... Бред.

Сейчас нужно выглянуть. Во-первых, в туалет. А во-вторых, проверить того козла. Косули. Ночью его фыркание и треск веток звучали так близко, так настойчиво. В августе, мне известно, самцы лося агрессивны, у них начинается гон. Может, и у косуль такой же нервный осенний период? Этот ночной гость, его невидимое, но осязаемое присутствие... Вероятно, кошмар навеян именно им, этим агрессивным козлом, и моим собственным впечатлением от услышанного в ночи.

Сон неприятный, да. Надеюсь, ничего вестного в нем нет. Просто приснился беспокойный, дурацкий сон... В вещие сны я не верю. Это просто игра мозга во время ночного отдыха. Хотя, скорее, мозг вообще не отдыхает никогда. Он только меняет режим. С дневного, логического, на ночной — иррациональный, где страхи обретают плоть.

Я осторожно расстегиваю молнию. Холодный, чистый воздух врывается внутрь, остужая горящую кожу. Выбираюсь из палатки, ежась.

Небо.

Оно чистое, черное-черное, бархатное. Свет звезд, кажется, ослаб, словно кто-то приглушил их яркость. Млечного Пути не видно — может, скрылся за легкой дымкой у горизонта. А Большая Медведица... за время, пока я спал, она заметно сместилась. Развернулась градусов на сорок пять против часовой стрелки вокруг Полярной звезды. Все остальное как ему и положено: тишина, прерываемая лишь шелестом листвы, запах влажной земли и хвои, далекий ух совы.

Мир на месте. Он реален, прост и понятен. В нем нет больничных коридоров и липкой грязи. Только лес, ночь и звезды.

Кошмар отступает, растворяясь в прохладном августовском воздухе. Это был всего лишь сон. Игра разума. Не более.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ЗАВЕРШЕН

Ветер.

Он был главным героем этого дня. Не я, не мой красный пакрафт, не река, а именно он — упрямый, невидимый бог, решивший, что мой путь должен быть испытанием. Он дул в лицо,

сбивал с курса, превращал каждое движение веслом в борьбу. Вода под ним морщилась, шла мелкой рябью, словно тоже была недовольна его настырностью.

Четвертый день сплава завершен. Я вытащил лодку на песчаный берег, в трех километрах ниже хутора Красноярский. Тело гудело от усталости, плечи ныли тупой, но уже привычной болью. Я сегодня был не человеком, а машиной. Гребок, еще гребок, поправка на ветер, снова гребок. Рутинная, вымывающая мысли, оставляющая только физическое ощущение преодоления. Лошадь. Да, сегодня я был ломовой лошадей, тянущей свою лямку против течения и ветра.

До Усть-Бузулукской станицы осталось двадцать километров. Завтра я их пройду. Это будет экватор, символическая черта, за которой начнется вторая половина пути. Пять дней до финиша. Все идет по плану. Я сам себе организатор, исполнитель и единственный участник этого маленького одиссея. В этом есть своя суровая прелесть — отвечать только за себя.

День, несмотря на свою тяжесть, принес открытие. Во время короткого отдыха, когда я позволил себе откинуться на корму и вытянуть ноги, я услышал странный звук. Тонкий, вибрирующий, похожий на варган далекого северного шамана. Сначала я не придавал ему значения — мало ли какие звуки рождает река и ветер. Но он повторился. Тихий, настойчивый свист. И тут до меня дошло, медленно, как до жирафа в анекдоте: это же клапан! Травит! Я нашел тебя, маленькая утечка, причина, по которой мне приходилось подкачивать баллон каждое утро. День прошел не зря. Теперь я знаю своего врага в лицо, и завтра утром, на свежую голову, я его одолею.

Пока я возился с лодкой, на берег спустились двое парней. Местные. Угостили меня сливами — крупными, синими, с восковым налетом. Сладкие, сочные, они были лучшей наградой за трудный день. Мы разговорились. Оказалось, они здесь на каникулах, у родителей. Сами уже несколько лет работают в Москве. Один — в логистике, другой — в какой-то строительной фирме.

— А что тут делать? — пожал плечами тот, что постарше. — Работы нет. Если и есть, то за копейки. Все, кто с головой, уезжают.

В его словах не было ни злости, ни обиды. Только констатация факта, сухая и оттого еще более горькая. Я смотрел на могучие дубы по берегам, на бескрайнее донское небо, на эту живую, сильную реку и слушал его. Молодежь, выросшая здесь, на этой земле, ищет перспективу за тысячу километров, в каменных джунглях столицы. А здесь остаются старики и тишина. Становится немного не по себе от этой правды.

Сейчас сижу у костра. Пламя жадно облизывает сухие ветки. В голове — пустота. Та самая, что приходит после тяжелой физической работы. Мыслей нет, только отголоски ощущений: напряжение в мышцах, вкус сливы на языке, упрямый шум ветра в ушах.

Говорят, труд облагораживает человека. Возможно. Но какой труд? Тот, что сегодня был у меня, — это работа вола. Он вымывает из головы все лишнее, а заодно и нужное. Физика и ментальность — два разных полюса. Чтобы думать, размышлять, философствовать, нужна тишина, комфорт, свободная энергия. Рабочий у станка не станет Кантом. Не потому, что он глуп. А потому, что станок высосет из него все соки, оставив лишь силы на то, чтобы дойти до дома и упасть.

Я сам бежал с заводов. Интуитивно, нутром чувствуя эту правду. Я видел, как день за днем монотонный гул станков и лязг металла превращают живых, ищущих парней в уставших мужчин, чьи разговоры сводятся к футболу, рыбалке и ценам в магазине. Завод — это гигантский механизм, который перемалывает не только металл, но и души.

«Завод и Я». Забавная тема для размышлений. Можно было бы написать об этом. О том, как я чувствовал, что стены цеха давят не только на уши, но и на мозг. О том, как отчаянно хотелось вырваться на простор, к реке, в горы — туда, где есть место для мысли. Но кто это поймет? Заводчане, прочитав такое, обидятся. Скажут — зажрался, белоручка, интеллигентиска. А они неплохие люди, просто они живут в другой системе координат, где выживание и стабильность важнее эфемерных «поисков себя». Я не хочу их обидеть. Просто наши пути разошлись.

Костер догорает. Ветер, кажется, стих. Завтра новый день. Двадцать километров до Усть-Бузулукской. Надеюсь, погода будет милостивее. А мысли... может, они вернутся завтра. Когда я снова стану человеком, а не лошадю.

ВДОХНУТЬ РОССИЮ

Река неспешно несла мой лодку, и я почти не работал веслом, лишь изредка подруливал, чтобы обогнуть корягу или песчаную отмель. Солнце припекало макушку, но здесь, на воде, всегда гулял легкий ветерок, пахнувший тиной, цветущим иван-чаем с берегов и чем-то еще — неуловимым, диким, настоящим.

Друзья в городе спрашивали: «Опять на сплав? Не надоело комаров кормить?» Я улыбался и кивал. Как им объяснить, что мой поход — это не просто гребля от точки А до точки Б? Это не туризм в привычном понимании, не бегство от цивилизации. Скорее, наоборот — это бегство к ней. К той, настоящей, которую не показывают по телевизору и не описывают в новостных сводках.

Вчерашний вечер тому доказательство. Я причалил к небольшой деревеньке, всего в десяток домов, чтобы пополнить запасы воды. У колодца встретил старика, деда Матвея. Морщинистое, обветренное лицо, выцветшие, но удивительно живые глаза. Он, конечно, сразу понял, что я «турист».

— Далеко ли гребешь, мил человек? — спросил он, неторопливо наматывая цепь на ворот.

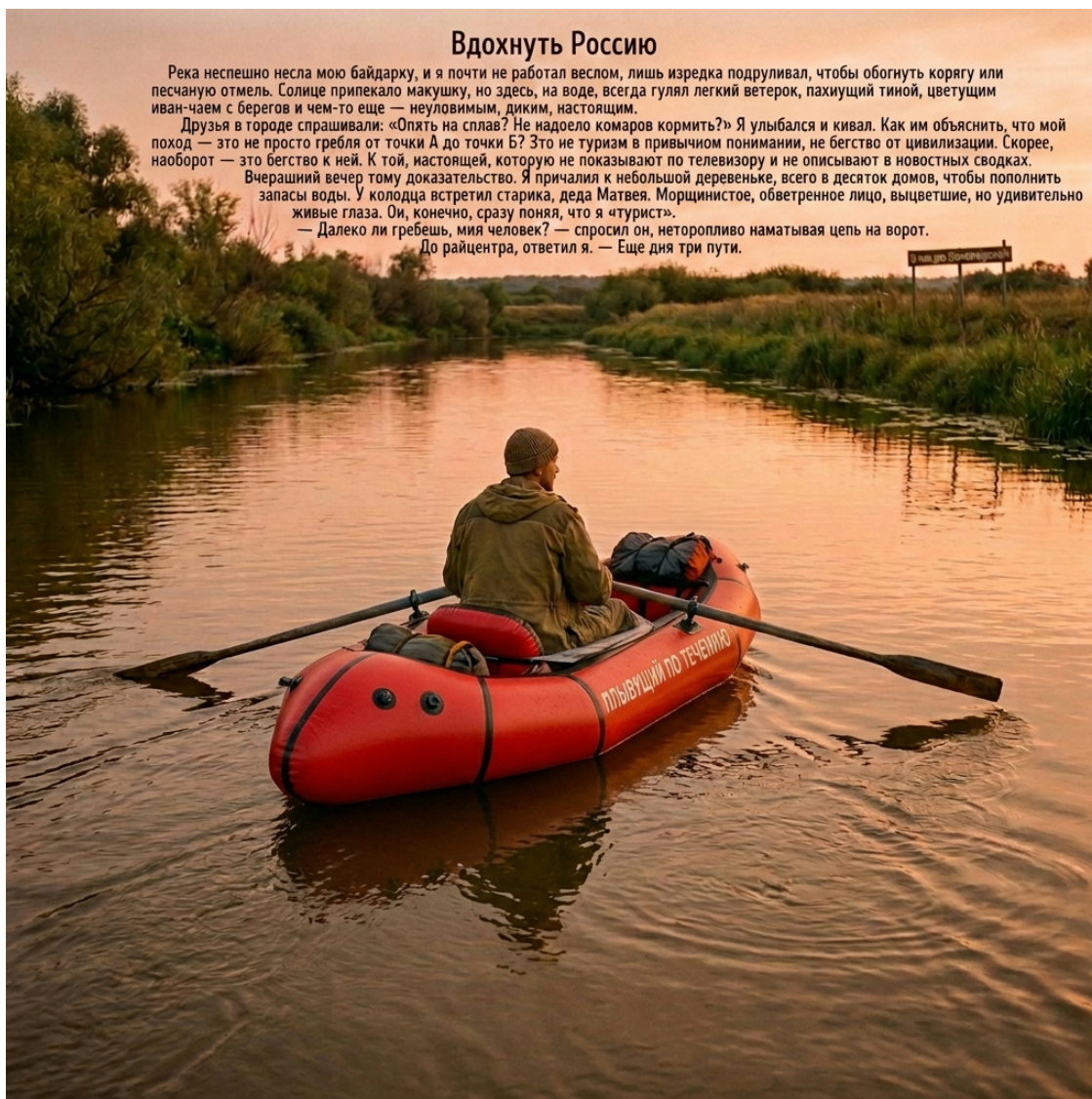
— До райцентра, — ответил я. — Еще дня три пути.

— А-а, — протянул он. — Дело хорошее. Природой дышишь.

Мы разговорились. О погоде, о рыбе, которая в этом году «хитрая пошла», о его внуках, которые в городе «за компьютерами ослепли». Он рассказывал просто, без жалоб и надрыва, как о данности. А потом позвал на чай. В его маленькой, пахнущей сушеными травами и теплым деревом избе мы пили чай с медом с его пасеки и ели чуть черствый хлеб. И в этом простом угощении, в его неспешных рассказах о том, как в молодости они эту самую реку перепоразивали, чтобы плоты сплавливать, была целая жизнь. Не выдуманная, не приукрашенная. Настоящая.

Такой приток живой информации не получишь через экран. Там — лишь плоская картинка, обработанный звук, чужое мнение. А здесь — тепло шершавой кружки в руках, вкус меда, скрип половиц, живой взгляд человека, который всю жизнь прожил на этой земле.

Или позавчерашняя встреча. Молодая семья из Перми, на байдарке, с маленькой дочкой лет пяти. Мы столкнулись на перекате. Помогли друг другу провести лодки. Вечером сидели у общего костра. Они — инженеры, взяли отпуск, чтобы показать дочке «не Турцию, а свое». Мы говорили обо всем: о работе, о детях, о будущем, о том, как хочется, чтобы страна становилась лучше. И в их словах не было ни грамма пафоса. Была тихая, уверенная любовь к этим лесам, к этой реке, к этой земле. Новое, какое-то очень чистое чувство своих земляков, россиян. Мы разные — я из столицы, они с Урала, дед Матвей из этой вот глухой деревни — но нас объединяет что-то незримое, но очень прочное.

Вдохнуть Россию

Река неспешно несла мою байдарку, и я почти не работал веслом, лишь изредка подруливал, чтобы обогнуть корягу или песчаную отмель. Солице припекало макушку, но здесь, на воде, всегда гулял легкий ветерок, пахнувший тинной, цветущим иван-чаем с берегов и чем-то еще — неуловимым, диким, настоящим.

Друзья в городе спрашивали: «Опять на сплав? Не надоело комаров кормить?» Я улыбался и кивал. Как им объяснить, что мой поход — это не просто гребля от точки А до точки Б? Это не туризм в привычном понимании, не бегство от цивилизации. Скорее, наоборот — это бегство к ней. К той, настоящей, которую не показывают по телевизору и не описывают в новостных сводках.

Вчерашний вечер тому доказательство. Я причалил к небольшой деревеньке, всего в десяток домов, чтобы пополнить запасы воды. У колодца встретил старика, деда Матвея. Морщинистое, обветренное лицо, выцветшие, но удивительно живые глаза. Ои, конечно, сразу понял, что я «турист».

— Далеко ли гребешь, мия человек? — спросил он, неторопливо наматывая цепь на ворот.

До райцентра, ответил я. — Еще дня три пути.

Я понял, что мой поход — это не совсем туризм. Это важное для меня вживание в тему моей страны. Вот она, мысль, которая крутилась в голове и наконец обрела форму. Я не просто плыву по реке. Я плыву по артерии России, и каждая встреча, каждый пейзаж, каждый разговор — это клетка ее живого организма. Я прикасаюсь к ней, чувствую ее пульс.

Только живьем. Вживую. Только так я получаю наиболее достоверную информацию-впечатление о стране, в которой живу. Не аналитическую справку, а именно впечатление — теплое, объемное, настоящее.

Весло лениво качнулось в руке. Впереди, за изгибом реки, показались крыши следующей деревни. Новые встречи, новые разговоры, новые фрагменты огромной мозаики.

Я сделал глубокий вдох. Воздух был густым и свежим. Я словно вдыхал саму Россию. Так и есть.

И я был абсолютно, безоговорочно доволен.

ГАМАНДРИЛЫ

Звезд не видно. Вообще. Сплошная серая пелена, как будто кто-то опрокинул на небо ведро с разведенной цементной пылью. И тишина такая... вязкая. Даже лягушки на берегу примолкли, будто ждут чего-то. Погода меняется, это я своим нутром чую, каждой косточкой.

Только вот в какую сторону — неясно. То ли прорвется, и солнце вывалится, как пьяный мужик из кабака — яркое и бестолковое. То ли наоборот, хлынет так, что Хопёр из берегов выйдет.

Только бы не встречный ветер. Я сегодня уже нагребся от души, руки гудят, спина ноет. Мне еще минимум шесть суток «крутить баранку» по этой реке, от одного знакомого затона до другого. Шесть суток в этой консервной банке, пропахшей рыбой, сыростью и моим одиночеством.

Солнечный день — лучшее мое пожелание. Простое, как три копейки. Чтобы вода искрилась, чтобы можно было снять просоленную штормовку и подставить лицо теплу. Если уж ветер — то пусть будет умеренный, попутный. Чтобы подталкивал в спину, а не бил в морду, как назойливый собутыльник. А главное — лишь бы не дождь. Дождь — это грустно и сыро. Это когда каждая щель в лодке начинает сопливить, одежда становится тяжелой и холодной, а сигарета гаснет, не успев разгореться. Тоска зеленая.

Впереди, в мутной предрассветной дымке, показался силуэт. Моторка. Новая, блестящая, режет воду, как нож масло. Ну вот, началось.

— Эй, земля! — доносится с борта. — Клюет?

Я молча отворачиваюсь, делая вид, что поправляю снасти. На той лодке двое. В ярких, с иголки, костюмах с надписью «Хищник» на всю спину. Удочки — как елочные гирлянды, блестят катушками, обвешаны воблерами всех цветов радуги. Сразу видно — городские. Приехали на природу «отдохнуть».

— Слышь, мужик! Мы тут на сома встать хотим! Где тут ямы получше? — не унимается второй.

Я медленно поворачиваю голову. Смотрю на них долго, не мигая. На их чистые лица, на дорогие эхолоты, на самодовольные ухмылки. Они не рыбу приехали ловить. Они приехали покупать эмоции. Купили лодку, купили снасти, теперь хотят купить у меня место, где им гарантированно «клюнет». Покупатели.

Имбицилы...

— Прямо по курсу, — говорю я ровным, безразличным голосом. — Километров десять пройдет, там коряжник знатный. Все сомы ваши будут.

Они радостно кивают, благодарят, заводят свой японский мотор, который урчит сыто и мощно, и уносятся вперед, оставляя за собой пенный след.

Я усмехаюсь в усы. Никакого коряжника там нет. Там мель, песчаная коса. Посидят пару часов, пошвыряют свои модные приманки впустую и уберутся восвояси, жаловаться на «бесклевы».

Гамадрилы...

Я сплевываю за борт. Тьфу на вас!

Небо над головой чуть светлеет. Кажется, серая пелена начинает редеть. Или мне просто хочется в это верить. Я берусь за весла. Гребки получаются ровные, сильные. Лодка послушно скользит по темной воде.

Мне не нужны их блестящие игрушки и громкие моторы. У меня есть река, старая лодка и тишина. И этого, черт возьми, более чем достаточно. Главное, чтобы без дождя. И чтобы гамадрилы с удочками поменьше на моем пути попадались.

СРЕДА

19 августа 2026 года.

23:03

Ночная вода была прохладной, почти ледяной у самого дна, где ноги касались илистого песка. Я оттолкнулся и снова вынырнул на поверхность, жадно глотая влажный августовский воздух. Тишина. Только стрекот сверчков в прибрежных камышах да редкий плеск воды, когда я лениво перебирал руками, удерживая себя на плаву.

Я люблю плавать ночью. В этом есть что-то первобытное, почти запретное. Мир сужается до клочка черного неба над головой и темной, обнимающей тело воды. Все проблемы, вся дневная суэта остаются там, на берегу, вместе с брошенной на песок футболкой и старыми шортами. Здесь, посреди озера, я — просто тело, просто дыхание, просто часть природы.

Взгляд сам собой устремился вверх, к звездам. Их было немного — легкая дымка затягивала небо, но Большая Медведица угадывалась безошибочно. Я перевернулся на спину, раскинув руки. Вода держала меня, как в колыбели. Уши погрузились в воду, и мир почти затих. Остался только гул крови в висках и мерное биение собственного сердца. Покой.

И в этот момент его прорезал он.

Сначала едва уловимая вибрация, потом низкий, монотонный, почти комариный гул, который становился все громче. Я узнал его мгновенно. Второй за вечер. Второй беспилотник пролетел надо мною в ночном небе.

У них специфический звук мотора, ни с чем не перепутаешь. Не благородный рокот пассажирского лайнера, не прерывистый стрекот вертолета. Это звук механического насекомого,

бездушного и целеустремленного. Он не летит — он ползет по небу, таща за собой невидимую нить угрозы.

Я смотрел, как крошечная точка, подсвеченная собственным тусклым огоньком, пересекает мой маленький клочок неба. Она двигалась ровно, без суеты, выполняя свою программу. Куда? Зачем? Неважно. Сам факт ее существования здесь, над моей головой, над моим озером, был оскорбителен.

СВО продолжается... Дерьмо.

Вода вдруг показалась холодной и враждебной. Покой, который я так тщательно выстраивал, рассыпался, как картонный домик. Мы живем среди войны. Не на ней, не в окопах, слава богу. Но среди нее. Она стала фоном, как прогноз погоды или курс валют. Она просачивается в разговоры, в ленты новостей, в тревожные сны. И вот теперь — врывается в ночное небо над тихим озером.

Я плыву — а война идет. Я пытаюсь найти свой маленький островок спокойствия, отгородиться от мира, а она находит меня даже здесь, в этой темной воде. Напоминает о себе жужжанием мотора. И конца нет войне. Эта мысль — липкая, как озерный ил. Она обволакивает и тянет на дно. Кажется, что это жужжание уже не снаружи, а внутри головы.

Сразу и настроение подпортилось у меня: от политики никуда не спрячешься.

Она больше не где-то там, в телевизоре. Она здесь. Она — этот звук в небе. Она — тревога, которая заставляет сердце сжиматься. Она — причина, по которой мой сосед уехал «за ленточку», а его жена теперь ходит с потухшими глазами. Она — причина, по которой я смотрю на звезды и вместо вечности вижу маршрут полета бездушной машины.

Я резко перевернулся и поплыл к берегу. Быстро, с силой, выбрасывая руки вперед, словно пытаюсь убежать от этого звука, от этих мыслей. Вода сопротивлялась, била в лицо мелкими волнами. Хотелось грести до тех пор, пока легкие не начнут гореть, пока мышцы не сведет судорогой. Хотелось заглушить внутренний гул физической болью.

Выбравшись на берег, я тяжело дышал, опершись руками о колени. Вода стекала с меня, оставляя на песке темные пятна. Звук беспилотника уже затих, растворился в ночи. Но тишина не вернулась. В ушах все еще стоял его фантомный гул.

Я поднял голову. Небо было прежним — черным, с редкими проколами звезд. Но теперь оно казалось чужим и опасным. Просто потолок, за которым скрывается что-то, чего я не могу ни контролировать, ни понять.

Я натянул влажную футболку. Она неприятно липла к телу. Пора домой. В этом маленьком мире, где я пытался спрятаться, больше не было покоя. Война нашла меня и здесь. И напомнила, что мой мир — лишь крошечный плот в огромном, штормящем океане. И плыть придется долго.

ПОСЛЕДНИЙ ГРЕБОК РОМАНТИКА

Старое весло, истертое тысячами гребков и десятками рек, кажется чужеродным в моих руках. Оно из другого времени. Из того, где Хопёр был диким, берега — пустынными, а тишину нарушал лишь плеск воды да крик ночной птицы. Того Хопра, который я знал полвека назад, больше нет.

Солнце уже цеплялось багряным краем за верхушки сосен, а я всё грёб. Грёб не от азарта, а от отчаяния. Найти клочок берега, не оскверненный цивилизацией, оказалось задачей почти невыполнимой. Каждый удобный подход к воде, каждая песчаная коса были оккупированы. Не лагерь — филиалы городских квартир. Огромные джипы, чьи колеса изрыли прибрежную траву, палатки размером с небольшой дом, раскладные столы, кресла, мангалы. И люди.

Вернее, не люди. Рыбаки.

Я начинаю тихо, нутряно ненавидеть этот новый класс людей — покупателей магазина «Шишник». Их взгляды пусты, в них нет созерцания. В них горит один и тот же холодный, голодный огонь. РЫБА. Это слово пульсирует в воздухе, оно написано на их лицах, в каждом жесте. У каждого — батарея удилищ, нацеленных в реку, как зенитные орудия. Десяток спиннингов на одного. Мне потом объяснили, с этакой снисходительной усмешкой, мол, это не жадность, дед, это статистика. Чтобы поймать одну большую, нужно выцедить сотню маленьких. Философия. Скоро от всей природы одна статистика и останется.

Подмывало крикнуть им, проплывая мимо очередного бастиона: «Ребята, так рыбы на всех не хватит!» Но что толку? Они бы не поняли. Для них река — не живой организм, а ресурс. Водоём с рыбой. Программа в их головах не видит природы, она видит исключительно цель.

Я гребу дальше. Весло кажется тяжелым, как якорь. Новое поколение его и в руках-то не держало. Зачем, если есть моторы? Их натужный рёв то и дело вспарывает вечернюю тишину, оставляя за собой маслянистую плёнку на воде и горечь в душе.

Солнце почти село, когда я, рискуя заночевать прямо на воде, заметил крошечный, неудобный пятачок суши, зажатый между крутым яром и зарослями ивняка. Сюда не подъехать на джипе. Сюда не притащить половину квартиры. Место для одного романтика с байдаркой. Моё гетто.

Вытащив лодку, я развел костер. Огонь — единственный мой собеседник, который понимает всё без слов. Он пляшет, отбрасывая тени, и в его треске мне чудится шёпот старого Хопра, жалующегося на незваных гостей.

Не скажу, что люди эти плохие. Нет. Один из лагерей, мимо которого я проплывал, пома- хал мне рукой. Мужики, обычные, в камуфляже, интересовались маршрутом, даже звали водку с ними пить. Люди как люди. Но это и страшно. Страшно, что этот типаж — человек-потре- битель — стал единственным на реке. Куда делись туристы? Где художники с этюдниками, где фотографы, ловящие в объектив утренний туман? Где те, кто приезжал сюда просто слушать, дышать, смотреть? Любоваться природой теперь не модно, ты выпадаешь из тренда. Оголодал народ, что ли, если ни о чем, кроме рыбы, думать не может?

Вспоминаю, как сегодня днем, проплывая под автомобильным мостом у Усть-Бузулук- ской, я задрал голову. И на сером бетоне, на высоте метров двадцати, кто-то вывел белой крас- кой:

«КАК МАЛО ТЕХ, С КЕМ ХОЧЕТСЯ МЕЧТАТЬ».

Я замер, перестав грести. Лодку медленно несло течением. Кто это написал? Какой-то отчаянный романтик, влюбленный или просто такой же, как я, задыхающийся в этом мире прагматиков. Он рисковал, лез на эту высоту, чтобы крикнуть в пустоту о самом главном. Безумству храбрых поём мы песню... Эта надпись была единственным родным голосом, что я услышал за весь день.

Хопёр стал непригоден для старого туризма. Все лучшие стоянки заняты. Берега изре- заны подъездными дорогами, «облагорожены» уродливыми ступеньками из старых досок, какими-то столами, вкопанными в землю. Девственных мест почти не осталось. Нашествие человеческой саранчи.

И это был четверг. Будний день. Что здесь творится в выходные, я боюсь даже предста- вить.

Нет. На Хопёр я больше не ходок. Хватит. Я насмотрелся этого «кино» до тошноты. Смотреть, как жадные глаза пожирают реку, как технологии ведут войну против природы, — увольте. Силы неравны. Магазин «Хищник» рыбам не победить. Скоро, наверное, рыбакам выдадут андроидов с эхолотами вместо глаз, и тогда рыбе останется только молча сдаться.

Костер догорает. Угли подернулись седым пеплом. Я сижу в темноте и слушаю реку. Она еще дышит. Тихо, сдавленно, но дышит. И мне кажется, что вместе с ней умирает и что-то во мне. Та часть души, которая умела мечтать. Потребляемство сожрало не только Хопёр. Оно жрёт нас изнутри. И однажды, когда оно сожрёт всё вокруг, оно примется за само себя.

Но это будет уже совсем другая история. А моя здесь, на этом берегу, окончена. Завтра я сделаю свой последний гребок по этой реке и уйду. Навсегда.

МУСОР НАСТОЯЩЕГО

Утром меня разбудил не щебет птиц и не ласковое солнце, а наглый, натужный рёв мотора. Где-то совсем рядом, за поворотом реки, кто-то заводил свою адскую машину. Звук был таким громким и чужеродным, что казалось, будто кто-то завел бензопилу прямо у меня в голове. Я выполз из палатки. Утренний туман, который я так любил, был рваным, грязноватым, и пах не речной свежестью, а выхлопными газами.

Сборы были быстрыми и безрадостными. Кофе, сваренный на костре, горчил, как само моё разочарование. Я не любовался рекой, не вслушивался в её пробуждение. Я просто хотел убраться отсюда как можно скорее, как бегут из оскверненного храма. Пока я укладывал вещи в байдарку, мимо меня, рассекая воду и оставляя волну, которая зло ударила в мой берег, пронёсся катер. В нем сидели двое в одинаковых жилетах с логотипом того самого магазина. Они даже не посмотрели в мою сторону. Их взгляды, усиленные поляризационными очками, были прикованы к экрану эхолота. Они не плыли по реке — они сканировали её дно в поисках добычи.

Я оттолкнулся от берега. Весло вошло в воду почти беззвучно. Это был мой прощальный жест, мой тихий протест против их рёва и натиска. Я грёб медленно, стараясь запомнить не то, чем стал Хопёр, а то, каким он жил в моей памяти. Вот за тем поворотом была коса, где гнездились кулики. Теперь там стоял шатёр и ревел генератор, заряжающий, видимо, несметное количество гаджетов. А вон там, у старой ивы, я однажды видел выдру. Сейчас с ивы свисали обрывки лески, а под ней валялись пустые банки из-под пива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.